

УДК 316.4

doi: 10.21685/2072-3016-2023-4-1

Активности пожилых горожан разных возрастов

К. А. Галкин

Социологический институт Российской академии наук –
филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
kgalkin1989@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Исследуются индивидуальные смыслы восприятия активностей пожилыми людьми. В настоящем исследовании мы прежде всего учитываем индивидуальные особенности в проектировании своих активностей пожилыми людьми различных возрастов. *Материалы и методы.* Всего было собрано 30 интервью с пожилыми людьми из двух возрастных групп. Основной метод анализа интервью – тематический. Интервью проводились в крупном городе федерального значения – Санкт-Петербурге. *Результаты.* Выход на пенсию и утрата прежних активностей выступают рубежной чертой для многих пожилых людей и способствуют утрате или потере прежних существующих активностей, замена которых, как правило, происходит фрагментарно и не приносит должного результата. *Выводы.* Обозначенные в работе активности пожилых людей свидетельствуют о важности исследований индивидуальных особенностей и индивидуальной специфики активностей пожилых людей различных поколений. Также важно развивать возможности для самих пожилых людей быть участниками инициатив социальной политики и, следовательно, на основании включения и интеграции пожилых создавать наиболее «гибкие» и комфортные формы социальной политики, ориентированные на запросы различных возрастных групп и позволяющие самим пожилым людям проектировать свои активности.

Ключевые слова: концепция активного долголетия, пожилые люди, индивидуальные стратегии активного долголетия, активности пожилых людей, смыслы активности

Для цитирования: Галкин К. А. Активности пожилых горожан разных возрастов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 4. С. 5–16. doi: 10.21685/2072-3016-2023-4-1

Activities of elderly citizens of different ages

K.A. Galkin

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences –
branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia
kgalkin1989@mail.ru

Abstract. *Background.* The individual meanings of the perception of activities by older people are investigated. In this article, we primarily take into account individual characteristics in the design of their activities by older people of different ages. *Materials and methods.* A total of 30 interviews with older people from two age groups were collected. The main method of interview analysis is thematic. The interviews were conducted in a major federal city – St. Petersburg. *Results.* The data obtained in the study suggest that retirement and the loss of previous activities is a milestone for many older people and contributes to the loss or loss of previous, existing activities, the replacement of which usually occurs in fragments and does not bring the proper result. *Conclusions.* The activities of the older indicated in the study indicate the importance of studying the individual characteristics and individual specifics of the activities of older people of different generations. It is also important to develop opportunities for the older themselves to be participants in social policy initiatives and, therefore, based on the inclusion and integration of the older, to create the most “flexible” and comfortable forms of social policy, focused on the needs of different age groups and allowing the older themselves to design their activities.

Keywords: the concept of active ageing, the older, individual strategies of active ageing, the activity of the older, the meanings of activity

For citation: Galkin K.A. Activities of elderly citizens of different ages. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2023;(4):5–16. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2023-4-1

Введение

Тренд на активное долголетие стал одним из ключевых во всем мире за последние полтора-два десятилетия. Пожилые люди сегодня рассматриваются как полноценные активные члены общества, качественно интегрированные в социум, имеющие возможности и ресурсы для получения новых профессий и навыков, трудоустройства, развития своих способностей после выхода на пенсию.

Понятие активного старения как образа жизни впервые появилось в научных трудах специалистов-геронтологов. Они выделяют три базовых составляющих активного старения:

- 1) здоровый образ жизни;
- 2) достаточная физическая активность;
- 3) участие в политической, социальной и культурной жизни своего района, города, своей страны [1].

Наличие всех трех составляющих одновременно практически гарантирует значимое улучшение качества жизни пожилых людей. В свою очередь

это позволяет гораздо продуктивнее задействовать знания и опыт пожилых людей во многих направлениях жизнедеятельности социума.

Политика активного долголетия стартовала в 2002 г. в Испании, когда в этой стране был принят так называемый Мадридский план [2]. Его разработка и принятие были связаны с обострившейся демографической проблемой – старением значительной части населения, что влекло за собой потребность в наличии определенных социально значимых активностей для этих возрастных групп. Мадридский план включает основные этапы развития концепции активного долголетия и ее стержневые принципы. Главнейший из них заключается в том, что восприятие старости обществом должно кардинально измениться. Если раньше старость воспринималась как возраст, в котором человек пассивно доживает свой век, то теперь старость расценивается как возраст, в котором человек сохраняет свою востребованность на рынке труда и активно участвует в социально-культурной жизни. Соответственно, социальная политика должна разрабатываться с учетом интересов и возможностей [3].

Ученые, исследующие возможности и перспективы концепции активного долголетия, ставят перед собой множество вопросов: в каком направлении будет развиваться данная концепция? Насколько данный подход поможет осмыслить, понять и удовлетворить особенные потребности именно этой возрастной группы людей [4]?

Специалисты ведут поиск новых моделей активностей, позволяющих учитывать достаточно широкий спектр индивидуальных особенностей пожилых людей и их представлений о самих себе, своих возможностях, целях и ориентирах. Вопросам старения посвящаются все больше работ как эмпирического, так и теоретического плана [5, 6].

Проблематизация индивидуальной специфики активности старшей возрастной группы по своей сути представляет собой оппозицию двух исследовательских парадигм. Одна из них увязывается с институциональным и правовым дискурсами, наличием равных возможностей для всех пожилых людей, равным вниманием к ним со стороны органов социальной политики [7]. Другая базируется на этике заботы, предполагающей личностный, конкретный подход к выявлению нужд людей старшего возраста, при этом не задействуются системные и институциональные структуры.

Ежедневная забота о пожилых людях открывает перед исследователями возможности изучения всего многообразия аспектов наличия/отсутствия потребностей в активности и условий проявления этих потребностей. Так, например, недостаточная финансовая обеспеченность значительного числа российских пенсионеров повлекла за собой их активное присутствие на рынке труда [8].

Спектр активностей для пожилых людей может видоизменяться также в зависимости от различия в возможностях конкретных региональных образований. Например, затруднительно организовать посещение пожилыми людьми курсов информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) или

фитнес-программ в деревне или поселке [9]. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов различия в возможностях региональных бюджетов.

Настоящее исследование посвящено рассмотрению индивидуальных смыслов активностей для людей старшего возраста.

Отличительная черта регуляторов норм политики активного долголетия, закрепленных в национальных проектах и законах, состоит в том, что ключевые нормы обеспечения возможностей для активного долголетия со стороны пожилых людей обусловлены набором жестких регуляторов, преимущественно в сфере здравоохранения и политики диспансеризации, направленной на поддержание пожилыми людьми своего здоровья. Национальные проекты и законодательные акты, так же как и деятельность гериатрической службы в России, содержат набор жестких предписываемых правил и стратегий развития в отношении пожилых людей [10, 11]. Поэтому ситуация с трактовкой норм активного долголетия, которые приняты в качестве приоритетной социальной политики в России, в отношении пожилых – это довольно сложный и запутанный вопрос, который, как правило, сводится к разрывам между самими нормами и правилами, идеями и концепциями, их возможной и эффективной реализацией для пожилых людей в различных регионах и при несхожем уровне развития инфраструктуры.

Проведенное нами исследование отличается от предшествующих работ тем, что в настоящей работе мы не рассматриваем не заданные индексами и количественными параметрами активности пожилых людей, а анализируем активности пожилых людей исходя из их возможностей и в целом изучаем сам концепт активности пожилых людей, применяя индивидуально нацеленную оптику. Немаловажным компонентом в исследовании выступает индивидуальное представление об активностях самими пожилыми людьми в повседневности.

Ситуация с возрастной группой 75+ с позиции политики активного долголетия в РФ также весьма неоднозначна. Так, для данной возрастной группы политика активного долголетия, проводимая в России, задает шаблонный, стандартный спектр активностей [12]. При этом новые исследования показывают, что для группы 75+ важными видами активности выступают коммуникация, поддерживающие разговоры, а также самостоятельный выбор занятия по душе с минимумом серьезных физических активностей и возможностью неспешно выбирать наиболее подходящий режим повседневности [13].

Таким образом, в рамках политики активного долголетия в России сегодня отсутствует ориентированность на выбор оптимальных активностей для той или иной группы пожилых людей. Это свидетельствует о необходимости проведения исследований, ориентированных на изучение индивидуального планирования активностей пожилыми людьми.

Материалы и методы

Исследование проводилось в крупном городе федерального значения – Санкт-Петербурге – с марта по июль 2022 г. Всего было собрано

30 полуструктурированных интервью с пожилыми людьми. Нами были выделены две группы информантов для анализа активностей, отличающихся по возрасту. Первая группа информантов (65+) отличалась тем, что ее представители продолжали свою трудовую деятельность, но некоторые из них уже вышли на пенсию. Вторая группа (75+) – пожилые люди, которые уже вышли на пенсию, но были вовлечены в различные формы активности, в том числе в продолжение занятости. Информанты преимущественно отбирались по критериям различного возраста и исходя из наличия опыта работы и/или нахождения на пенсии. Всего в каждой группе было собрано по 15 интервью ($n = 15$). Аналитическая работа с нарративами интервью проводилась при помощи метода тематического кодирования и секвенционного анализа нарративов, который позволил обозначить ключевые стратегии в заботе пожилых людей о своих активностях, определить особенности неравенств в возможностях проявления активностей пожилыми.

Результаты и обсуждение

Исследование позволило выявить ряд отличий между пожилыми людьми в области планирования ими своих активностей. И самое главное различие обусловлено следующими обстоятельствами:

- для людей возраста 65+ лет – это продолжение работы;
- для людей возраста 75+ лет – важность выполнения семейных дел и заботы о других членах семьи.

С точки зрения сохранения высокой степени интегрированности в жизнь социума наиболее оптимальным вариантом активности является сохранение рабочего места, осуществление трудовой деятельности, продолжение профессионального и карьерного роста. Люди, ориентированные на семью и заботу, как правило, иначе оценивают для себя возможность активности, видят свои возможности в этом плане как более низкие по сравнению с первой группой. Однако и в этом случае безусловной ценностью является участие в социальной жизни и активные коммуникации.

К первой группе (65+) часто относятся специалисты, обладающие высокой квалификацией и большим профессиональным опытом (в том числе руководящей работы), в первую очередь обладающие рабочими, инженерными и исследовательскими специальностями. Приоритетными сферами занятости для них станут производственная и научная сферы, работа на государственных предприятиях. Такая занятость позволяет сохранить для пожилых людей возможность трудиться в коллективе, достаточно высокий социальный статус, возможность активно проявлять свою позицию.

«Я тридцать лет здесь, на заводе, отпахал и честно скажу: не мыслю своей жизни без работы. Здесь и коллектив весьма хороший, да и все же лучше, чем просто так сидеть на пенсию и ничего в принципе не делать. Никак этого не хочется. А здесь и зарплата есть, да и общение прежнее также сохраняется» (м., 67, инженер).

Сохранение своей востребованности на рынке труда и возможность зарабатывать достаточно веско стимулирует людей старшего возраста к продолжению трудовой деятельности, что не менее значимо и с точки зрения заботы. Еще одно обстоятельство, стимулирующее пожилых людей к активности в виде работы в коллективе, – таким образом решается проблема одиночества и исключенности из жизни социума, от чего страдает достаточно большой процент пенсионеров. Хорошим решением в этой связи является предоставление вышедшему на пенсию человеку экспертного статуса в коллективе: это, с одной стороны, позволяет снизить ежедневные рабочие нагрузки и больше времени уделять семье или хобби (с учетом того, что эти активности очень важны для людей старшего возраста), с другой стороны, дает возможность сохранить активное коммуницирование с коллективом, возможность чувствовать себя его полноценной частью:

«Я уже просто не могу без жизни нашей кафедры. Вышла на пенсию, потому что внуки. Да и, сами понимаете, нужно было уже выходить. Но все равно хорошо, что мне предложили программы смотреть и методическую работу выполнять. Она буквально спасает. Нет ощущения, что ты куда-то ушел, потому что все равно есть чувство того, что ты продолжаешь работать, того, что ты вовлечена в деятельность» (ж., 65, кандидат биологических наук).

Другим вариантом сохранения активности посредством продолжения трудовой деятельности для людей возраста 65+ является изменение их профессионального статуса, перевод на менее квалифицированные, хуже оплачиваемые должности. Данный вариант, конечно же, подходит далеко не всем пенсионерам; оптимальным он может стать для тех, кто и до выхода на пенсию не занимал высоких должностей. Лишь в этом случае понижение в социальном статусе с сохранением занятости будет выполнять положительную роль поддержки участия и включенности пенсионера в коллектив:

«С приходом техники и электроники я уже, надо сказать, не смог бы выполнять здесь работу по наладке оборудования, по чертежам в целом. Но хорошо, что меня оставили, пусть и уборщиком. Все же это лучше, чем просто сидеть дома и ничего не делать, дни прожигать. Пока есть движение, есть и жизнь» (м., 69, мастер).

Стоит обратить внимание на то, что для многих пенсионеров не имеет значения, будет их деятельность официально оформлена согласно требованиям Трудового кодекса РФ или нет. Возможность продолжения активной деятельности и включенности в жизнь коллектива оказывается более важной.

Можно сделать вывод, что, вне зависимости от особенностей индивидуальных трудовых траекторий, в целом работа для людей категории 65+ является экзистенциальной потребностью и ключевым стимулом к активности. Вне работы и регулярных коммуникаций «молодые пенсионеры» перестают видеть цель в жизни, ощущать себя нужными и востребованными, полноценными членами общества.

Наиболее предпочтительными активностями для представителей группы пожилых людей 65+ выступают активности, связанные с коммуникацией и взаимодействиями с коллегами и интеграция в различные проекты по работе. При этом здоровье и возможность работать выступают основным ресурсом активностей для данной группы пожилых людей и способствуют продолжению их трудовой деятельности. Активность вне работы рассматривается пожилыми людьми из группы 65+ как дополняющая. В группу бессмысленных активностей информанты относят чрезмерную семейную активность и помощь родственникам и не видят смысла в этих активностях, считают их лишними и ограничивающими профессиональную трудовую деятельность.

Иную картину образуют траектории активности в группе опрошенных категории 75+. Эти респонденты отмечают большие сложности с трудоустройством по сравнению с респондентами других возрастов. Чаще всего завершение трудовой деятельности ассоциируется у многих с выходом на пенсию по возрасту, однако на практике сегодня дело обстоит совсем по-другому. Описываемая нами группа состояла главным образом из людей возраста 75+, вышедших на пенсию достаточно давно, прекративших работать (а в ряде случаев утеревших прежние профессиональные навыки):

«Раньше я думала, что вообще не смогу жить без каких-либо рабочих дел, да и не понимала, по правде говоря, как это – не работать. А сейчас вот возраст подошел. И я уже без проблем могу и не работать, могу очень легко найти себе занятие дома. Но, если ты сидишь без движения, то и силы тебя начинают покидать, ты просто стареешь. Одеваться же и тому подобное делать не надо. Поэтому скажу так: да, не работать – хорошо; но просто сидеть, смотреть телевизор, играть в компьютерные игры и периодически гулять с собакой – это крайне угнетает» (ж., 75, экономист на пенсии).

Многие информанты указывают на то, что их не устраивает тот ограниченный набор активностей, которые муниципальные власти предлагают пожилым в рамках действующих программ активного долголетия. Например, очень часто власти предлагают участие в курсах ИКТ. Но сами пожилые люди воспринимают эти курсы не как серьезную возможность переквалифицироваться или научиться чему-то новому, а как «игрушку», слегка расширяющую коммуникационные возможности и достаточно слабо позволяющую интегрироваться в социальную жизнь:

«Да, я два года уже хожу на английский, плюс чередую это с курсами ИКТ. Что можно сказать? Скажу так: раньше я думала, что смогут что-нибудь изучить на этих курсах, а сейчас – нет. Там ведь ничего, кроме как “включите и выключите компьютер”, ты не узнаешь, как бы ни пытался. И получается, что ходишь туда, чтобы просто пообщаться, чтобы не сидеть дома, а быть с кем-нибудь, что-либо обсудить, чем-то поделиться. Вот для этого и ходишь на эти курсы, а больше и ни для чего» (ж., 79, стоматолог на пенсии).

Те «шаблонные» активности, которые зачастую предлагают разработчики программ активного долголетия, в значительной мере посещаются пожилыми людьми потому, что дают возможность регулярно и продуктивно общаться друг с другом. Особенно это актуально с учетом того, что многие пожилые люди проживают отдельно или даже одиноко.

Еще одна значимая группа активностей включает в себя многообразные программы медицинского характера по лечению и диспансеризации, как правило, финансируемые государством, а также деятельность различных государственных служб – поликлиник, санаториев, пансионатов, гериатрических центров. Все эти институциональные структуры не только помогают сохранять и поддерживать здоровье, но и дают возможность пожилым людям общаться между собой. Прогулки в санатории или пансионате, коммуникации с докторами и медсестрами, разговоры в приемной – все это играет важную терапевтическую роль для людей старшего возраста, дает им ощущение причастности к жизни социума, что для них крайне важно:

«У нас, как и все теперь, честно сказать, по-стариковски. И по-другому быть уже не может. Потому что работы уже нет, а большая часть друзей, простите, на кладбище. Вот и приходится думать, как себя развлечь. Вот и идешь в поликлинику, там поболтаешь немного. Идешь, например, на какое-нибудь мероприятие – тоже пообщаешься. И пусть на несколько часов, но ты все же не один» (м., 82, инженер оборонного предприятия на пенсии).

И, наконец, следует сказать о такой группе активностей, как активность семейная. Это многообразные домашние работы, подразумевающие постоянное общение. Респонденты высоко оценивали важность этих активностей и интерес их для самих респондентов. Очень часто в оценках людей говорилось о долге, необходимости укрепления и поддержания отношений между родными, о помощи молодым на этапе их становления:

«Я же бабушка. И кто кроме меня им поможет? Да, я, бывает, устаю, и довольно сильно устаю, но все равно иначе никак. Потому что без дела сидеть я не привыкла, все равно надо что-то делать. На лавке в домино играть со стариками тоже особо не хочу. Вот и стараюсь участвовать во всем, и это хорошо для меня. Это позволяет мне не быть совсем забытой» (ж., 78, преподаватель училища на пенсии).

Если по тем или иным причинам прекращается доступ к означенным активностям, пожилые люди реагируют на это очень болезненно, особенно группа 75+. В своих интервью они упоминают такие словосочетания и обороты, как «движение – это жизнь», «надо что-то делать, а иначе совсем пропадешь», «без активной жизни нынче никак». Можно сделать вывод о том, что многие люди старшего возраста расценивают пенсионный возраст как некую черту, за которой перестают быть актуальными былые активности, а новые активности в первую очередь зависят от того, насколько сам пожилой человек готов принимать их в свою жизнь. Сами люди категории 75+ стараются максимально сохранить собственную активность и интегрированность в жизнь социума, даже если таких возможностей на первый взгляд нет. В последнем

случае актуализируется проблема поиска тех занятий, которые подразумевают общение.

Наиболее острым и значимым последствием утраты активности для людей старшего возраста является дезинтеграция с социальной жизнью. Информанты говорят о том, что это значительно осложняет их самовосприятие, восприятие процессов собственного старения. При этом разрабатываемые местными властями различные программы активности воспринимаются самими людьми 75+ скорее как паллиатив, позволяющий отчасти удовлетворить потребности в общении и принять участие в социально значимых процессах, нежели как меры полноценной интеграции этих людей в социальную жизнь.

Наиболее предпочтительным видом активности для пожилых людей 75+ выступает семейная активность и общение в семье, которое позволяет им быть частью социальной жизни и участвовать в коммуникации и семейных взаимодействиях. Основным ресурсом выступает довольно ограниченный круг близких людей, в рамках которого и происходит общение пожилых. Для людей данной возрастной группы в практиках коммуникации отчетливо видно, что наиболее значимой и важной коммуникацией выступает общение и взаимодействие в семье. При этом круг коммуникации с друзьями и сверстниками по причине болезни и/или смерти сужается. Это изменяет коммуникацию. В нарративах интервью пожилых людей данной группы присутствовала тема сожаления, связанная с тем, что с возрастом утрачивается возможность активного общения и взаимодействия. В результате основным ресурсом и ценностью выступает наличие близких людей и возможности общения с ними. Важным компонентом общения для данной возрастной группы выступает помощь и возможность получения поддержки. Бесполезными формами активностей пожилые люди из данной возрастной группы называют различные активности в Интернете, общение и коммуникацию. Основная причина заключается в том, что подобное общение не способно заменить живое общение, а также в необходимости обучения и освоения новых технологий и гаджетов, которое пожилые люди из данной группы считают не нужным и не редко невозможным занятием.

Заключение

Данные исследования позволяют утверждать, что завершение трудовой деятельности, связанное с достижением пенсионного возраста, для многих является некоей рубежной чертой, разделяющей преимущественно рабочие активности и активности в других жизненных областях и сферах. Действующие на сегодняшний день социальные инициативы и мероприятия социальной политики, ориентированные на категорию 75+, к сожалению, недостаточно обеспечивают полноценную вовлеченность этих людей в активности. Информанты воспринимают утрату активностей и исключенность из жизни социума весьма болезненно; для них крайне важно сохранить высокую

степень вовлеченности в социальную ткань общества – в первую очередь в коммуникативном плане (терапевтическое общение) и в плане заботы о себе.

При этом на уровне федерального законодательства практически не ведется никаких работ в части усовершенствования политики активного долголетия. За рамками внимания властных структур остаются возможные фокусные инициативы по поддержке людей старшего возраста с учетом их реальных потребностей.

Можно констатировать, что, достигнув пенсионного возраста, человек перестает самостоятельно распоряжаться своей жизнью и становится заложником предоставляемых ему возможностей участия в тех или иных активностях. Лишь для части пожилых людей остается открытой возможность трудоустройства, переквалификации с последующим трудоустройством, получения экспертного статуса, что восполняет их потребности в регулярном общении и взаимодействии с другими.

Выход на пенсию (достижение пенсионного возраста) часто становится некоей рэперной точкой, когда теряют прежнюю значимость имевшие место ранее трудовые отношения, а на первый план выходит потребность в общении.

В пользу этого вывода говорят две ключевые стратегии, о которых писалось в данном исследовании:

– стратегия занятости (достигнув пожилого возраста, люди продолжают трудиться в той области или сфере, что и раньше, сохраняя активности, предоставляемые этой средой, в силу чего они не испытывают острой потребности в каких-либо специальных программах активного долголетия);

– стратегия поиска интеграции (более актуальна для старших пожилых и неработающих пожилых, ее база – самостоятельный и не всегда успешный поиск людьми означенных категорий активностей для себя; при этом найденные активности нередко носят точечный и/или кратковременный характер).

Список литературы

1. Zaidi A., Howse K. The policy discourse of active ageing: some reflections // *Journal of Population Ageing*. 2017. Vol. 10, № 1. P. 1–10. doi: 10.1177/0958928716676550.
2. Older H. O. Active ageing: a policy framework // *The Aging Male*. 2002. Vol. 5, № 1. P. 1–37. doi: 10.1080/tam.5.1.1.37
3. Голубева Е. Ю. Современные направления научно-практических исследований в области политики активного и здорового долголетия: опыт и перспективы // *Успехи геронтологии*. 2015. Т. 28, № 4. С. 634–638.
4. Доброхлеб В. Г. Демографическое старение в России и новая социальная реальность // *Народонаселение*. 2022. Т. 25, № 2. С. 66–76. doi: 10.19181/population.2022.25.2.6
5. Palmer K., Monaco A., Kivipelto M. [et al.]. The potential long-term impact of the COVID-19 outbreak on patients with non-communicable diseases in Europe: consequences for healthy ageing // *Aging clinical and experimental research*. 2020. Vol. 32, № 7. P. 1189–1194. doi: 10.1007/s40520-020-01601-4

6. Crimmins E. M. Age-related vulnerability to coronavirus disease 2019 (COVID-19): biological, contextual, and policy-related factors // *Public Policy & Aging Report*. 2020. Vol. 30, № 4. P. 142–146. doi: 10.1093/ppar/praa023
7. Walker A., Foster L. Active ageing: Rhetoric, theory and practice // *The making of ageing policy*. Bergen : Edward Elgar Publishing, 2013. P. 27–52. doi: 10.4337/9781781952481.00009
8. Доброхлеб В. Г. Занятость пожилых людей в России: причины и последствия // *Миграция и социально-экономическое развитие*. 2017. Т. 2, № 2. С. 79–90. doi: 10.18334/migration.2.2.38479
9. Соболева Е. В. Активное долголетие как способ преодоления возрастного социального неравенства // *Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления : материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Саратов, 13 апреля 2018 г.)*. Саратов : Саратовский источник, 2018. С. 176–180.
10. Серпов В. Ю. Создание гериатрической службы в России: опыт Санкт-Петербурга // *Вестник Росздравнадзора*. 2016. № 4. С. 36–42.
11. Ткачева О. Н. Перспективы развития гериатрической службы в Российской Федерации // *Справочник поликлинического врача*. 2017. № 5. С. 9.
12. Богданова Е. А. Трудовые отношения с участием пенсионеров: забота или манипуляция? // *Журнал исследований социальной политики*. 2016. Т. 14, № 4. С. 535–550.
13. Григорьева И. А., Уханова Ю. В., Смолева Е. О. Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12, № 5. С. 124–140. doi: 10.15838/esc.2019.5.65.8

References

1. Zaidi A., Howse K. The policy discourse of active ageing: some reflections. *Journal of Population Ageing*. 2017;10(1):1–10. doi: 10.1177/0958928716676550
2. Older H.O. Active ageing: a policy framework. *The Aging Male*. 2002;5(1):1–37. doi: 10.1080/tam.5.1.1.37
3. Golubeva E.Yu. *Modern directions of scientific and practical research in the field of active and healthy aging policy: experience and prospects*. *Uspekhi gerontologii = Advances in gerontology*. 2015;28(4):634–638. (In Russ.)
4. Dobrokhleb V.G. Demographic aging in Russia and the new social reality. *Narodonaselenie = Population*. 2022;25(2):66–76. (In Russ.). doi: 10.19181/population.2022.25.2.6
5. Palmer K., Monaco A., Kivipelto M. et al. The potential long-term impact of the COVID-19 outbreak on patients with non-communicable diseases in Europe: consequences for healthy ageing. *Aging clinical and experimental research*. 2020;32(7):1189–1194. doi: 10.1007/s40520-020-01601-4
6. Crimmins E.M. Age-related vulnerability to coronavirus disease 2019 (COVID-19): biological, contextual, and policy-related factors. *Public Policy & Aging Report*. 2020;30(4):142–146. doi: 10.1093/ppar/praa023
7. Walker A., Foster L. Active ageing: Rhetoric, theory and practice. *The making of ageing policy*. Bergen: Edward Elgar Publishing, 2013:27–52. doi: 10.4337/9781781952481.00009
8. Dobrokhleb V.G. Employment of elderly people in Russia: causes and consequences. *Migratsiya i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye = Migration and socio-economic development*. 2017;2(2):79–90. (In Russ.). doi: 10.18334/migration.2.2.38479

9. Soboleva E.V. Active longevity as a way to overcome age-related social inequality. *Sotsial'noe neravenstvo sovremennosti: novaya real'nost' nauchnogo osmysleniya: materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. (g. Saratov, 13 aprelya 2018 g.) = Social inequality of our time: a new reality of scientific understanding: proceedings of the 6th International scientific conference (Saratov, April 13, 2018)*. Saratov: Saratovskiy istochnik, 2018:176–180. (In Russ.)
10. Serpov V.Yu. Creation of a geriatric service in Russia: the experience of Saint Petersburg. *Vestnik Roszdravnadzora = Bulletin of Roszdravnadzor*. 2016;(4):36–42. (In Russ.)
11. Tkacheva O.N. Prospects for the development of geriatric services in the Russian Federation. *Spravochnik poliklinicheskogo vracha = Hand-book of polyclinic doctor*. 2017;(5):9. (In Russ.)
12. Bogdanova E.A. Labor relations involving pensioners: care or manipulation? *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki = Journal of Social Policy Research*. 2016;14(4):535–550. (In Russ.)
13. Grigor'eva I.A., Ukhanova Yu.V., Smoleva E.O. Transformation of social policy in Russia in the context of population aging. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2019;12(5):124–140. doi: 10.15838/esc.2019.5.65.8 (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Константин Александрович Галкин
кандидат социологических наук, доцент,
Социологический институт Российской
академии наук – филиал Федерального
научно-исследовательского
социологического центра Российской
академии наук (Россия, г. Санкт-
Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25)

Konstantin A. Galkin
Candidate of sociological sciences,
associate professor, Sociological Institute
of the Russian Academy of Sciences –
branch of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian
Academy of Sciences (25 Sedmaya
Krasnoarmeyskaya street,
Saint Petersburg, Russia)

E-mail: kgalkin1989@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 09.01.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 28.04.2023

Принята к публикации / Accepted 28.04.2023